

Михаил Сергеевич, то, что вы стали актером-романтиком, — это судьба или осознанная необходимость?

— Пожалуй, случайность. Амшлуа ведь диктует материал, который дается актеру. Так что "романтиком" меня сделал кинематограф. Началось все с "Собаки на сене", потом последовали "Три мушкетера", а уж дальше — целая серия.

Конечно, повезло, что "шарик" моей судьбы остановился именно на д'Артаньяне. Просто совпало все. Фильм музыкальный, а у меня музыкальное образование. И еще "д'артаньяновские" усы, длинные волосы, довольно спортивное сложение, при котором не страшны ни фехтование, ни конные трюки. Но пригласили меня поначалу на роль отрицательную: я же раньше играл в кино подонков типа Сильвы из "Старшего сына" или кошмарного Волка, который всех ест. Ну а потом на пробах постепенно докатился до д'Артаньяна. Тогда мне казалось, что это естественно, теперь понимаю: не будь этой роли, не было бы и многих других. Я снялся в фильмах в шестидесяти, может и больше, не считал. И убедился: самые популярные из них — те, где есть романтическое начало. Может, потому, что они рассказывают о жизни, которой сегодня уже быть не может. Там иначе относятся к женщинам, иначе любят, говорят, там такая прекрасная одежда, изящные манеры. Я сам далек от подобного образа жизни, но поиграть в это чрезвычайно интересно.

Может, вы и по натуре романтик?

— Я не очень понимаю, что такое романтик в жизни. Это что, по ночам — на гитаре? Или некий восторженный юноша, который смотрит на звезды, не прикасаясь к женщинам, защищать всех летит не вовремя? Такого романтика во мне нет: я нормальный человек и, как мне кажется, современный. Для меня романтика связана с профессией. Наверное, тот, кто ищет нефть или уголь, — тоже романтик, хотя при обилии всякой там мошкеры, слепней, комаров и отсутствия общественных туалетов, может, и не до высоких материй. Флибустьер, путешественник, космонавт — это все романтики. Ну и актер, потому что нормальный человек такую профессию сегодня не выберет.

Почему?

— Да потому что при рынке, который нам сейчас предложило государство, и артисты стали "рыночные". Недавно я лежал в больнице, была возможность месяц подряд смотреть телевизор — это что-то! Выступают те, у кого есть деньги. Снять могут любого, кто способен заплатить миллионов десять за какую-нибудь песенку, о такте, вкусе, чувстве меры речи нет. А реклама?! Я теперь "сникерс" в жизни не куплю, потому что, как только его вижу, у меня спазм. Я, русский мужик, не привык к "сникерсам" и "баунти", если голоден, мечтаю о куске хлеба с чаем. Новое поколение выбирает "пепси"? Да ни за что! Если пить, то воду. А если напиваться, лучше водки ничего нет.

Так вот, сейчас что "сникерс" показать, что "пепси", что артиста — все едино, лишь бы мелькало. Иначе, говорят, выпадаешь из тусовки. Мне кажется, те, кого в этой тусовке не видно, достойны уважения, они еще не потеряли надежды и мужества. Хорошее не нужно рекламировать. На Высоцкого вон помилосил, едва слух о концерте проходил, безо всяких там: "Послушайте, какой хороший, вот он с гитарой, вот он со шпагами, вот он задом, вот передом..."

А если бы вам предложили миллионы за участие в какой-нибудь рекламе, согласились бы?

— Не предлагают. Может, потому, что есть более подходящие люди для этой работы. А может, просто знают, что могу послать подальше после такого предложения. И потом, я очень дорого стою. За съемку в рекламе мне нужно заплатить так, чтобы я до последних своих дней мог не выходить из дома — от стыда.

Вы и политики чураетесь, в отличие от многих коллег?

— Да как-то не тянет. На митинги не ходил никогда.

На экране он лихо фехтует на лошади, защищает слабых и обиженных. Для многих Михаил БОЯРСКИЙ — прежде всего бесстрашный рыцарь плаща и шпаги. Можно сказать, в наш меркантильный, неромантический век это

дили постоянно, в воскресенье причащали, дома — песнопения за столом, обряды всевозможные. Все это делало меня религиозным. Деда расстреляли в тридцать седьмом за то, что священник. Значительно позже мы с папой узнали, как он погиб. Катя, моя сестра, специально ездила в Иваново, в Кинешму, чтобы посмотреть все документы, когда это стало можно.

Потом один за другим ушли мои близкие. И все были очень одиноко, когда уходили, потому что, когда человек растает с жизнью, никто ему помочь не в силах. Я до сих пор не могу смириться с

фис" говорить рано: пока готовим помещение, а чем пириог напихуем... Постараюсь пригласить хорошего режиссера, который знает, что нужно сегодня, помогу ему набрать актеров, если потребуются. Займут в этой пьесе меня — буду благодарен, но сам ни в режиссуру, ни в распределение ролей вмешиваться не собираюсь.

Понравится наш спектакль публике — будем играть дальше, нет — меняем репертуар, труппу, и так, пока не станем нужными. К счастью, спектакли не будут коммерческими: в зале на двести мест какая прибыль? Деньги будем

летел на самолете, и он приземлился, дочка не больна, и вообще все близкие живы-здоровы. Это счастье и есть, а не то, чтобы тебе мешок с деньгами принесли и поставили.

Следовательно, о материальных благах не забываетесь?

— Они есть, конечно. Квартира, сами видите, хорошая, не жалуюсь. Кроме нас в ней живет кот. Мне его подарили в Нижнем Тагиле: брякнул со сцены, что детински хотят котеночка, и той же ночью принесли в рукавике недельного. Еще есть пес, овчарка.

ПОСЛЕДНИЙ ПЫЛКО ВЛЮБЛЕННЫЙ

Куранты. — 1993. — 17 дек. — с. 9.

Правда, сейчас, когда переехал жить ближе к Дворцовой площади, наблюдаю иногда, кто там находится, но спокойно. Меня не мучает совесть, что я не защищал Белый дом. Вот семью свою защищу, если понадобится: себя бы не уважал, если бы этого не сделал. Политику не бывает чистой, потому что, если политик честный, значит, он просто дурак. Если кто у меня и вызывает симпатию, так это Гайдар. Вот кто романтик, он за свои принципы постоит. Не думайте, что я такой наивный, просто считаю, что ориентироваться нужно все-таки на такие человеческие качества, как ум, честность, благородство, мужественность.

Детей своих вы тоже воспитываете на этих принципах?

— Родители сегодня очень небольшое влияние могут на детей оказать. Улица, компьютеры, телевизор — вот что они впитывают как губки. Чтобы иметь сексуальный опыт, который я накопил за всю жизнь, им достаточно пройти от школы до дома: на каждом углу литература, где наглядно расписано, где, с кем и когда. Я даже стесняюсь с детьми на какие-то темы говорить, не суюсь.

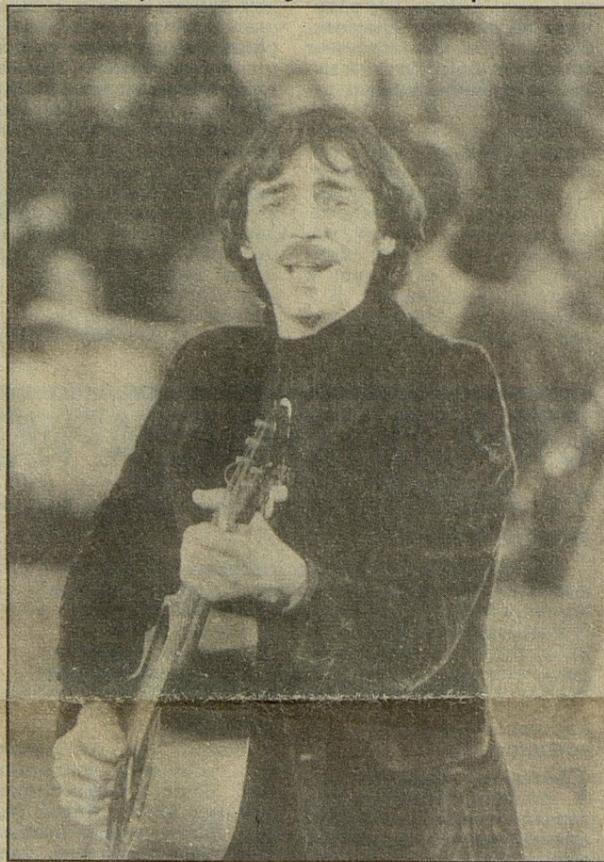
Ваш Сережа уже пел вместе с вами, тоже, наверное, пойдет в актеры?

— Нет, он в свои неполные четырнадцать довольно холодный для актера, в нем чувств мало, на мой взгляд. Такой Кай, собирающий богатые "льдинки" — кассеты, компьютер, авиаприборы... Он неплохо знает английский, в общем, современный парень, не более того. С Лизой — ей восемь — просто: девочки всегда чувственнее. Их мало интересуют всякая там математика — и это прекрасно. Не нужна жена, которая прекрасно знает высшую математику, тфу на нее! Нужно, чтобы она была хорошей матерью, порядочной женщиной, умела хорошо готовить и ухаживать за детьми. Рассчитываю, что дочка под этот образец подойдет.

О вашей собственной женитьбе рассказывают романтическую историю: будто вы в театре должны были играть Трубадура и Принцессу сами выбрали — как оказалось, на всю жизнь?

— Да, это верно. Мы вместе уже лет двадцать, столько не живут, как говорится в анекдоте. Мы просто вместе живем. Это не значит, что у нас с Ларисой идеальные отношения. Часто ругаемся, бранимся, разводимся утром, женимся вечером — словом, нормальная такая полусумасшедшая семья. Думаю, я и не смог бы жить спокойно ни с кем, да и она такая или по крайней мере я ее такой сделал. Предпочитаем влеты и падения ровному, скучному существованию. Ну а потом, мы как-то друг другу помогаем, держимся друг за друга.

Я же знаю про себя, что не

подарок: у меня мерзкий характер и жить со мной очень тяжело. Под настроение могу взять и кинуть в воду сумку с деньгами. Но если потерял дома рубль, или записку, или булавку — мелочь, словом, какую-то, всю семью изведу, пока не найду! Машина сторела — Бог с ней, дача — тоже плевать. Но если оставил в гостинице дочку и игрушку, которую она дала как талисманчик, все переверну, пока не найду. Еще на старой квартире засунул между книжками новый комплект струн, и он пропал — так до сих пор ишу. И вот миллион таких дурацких мелочей меня заполняет. Мучаю всех, по ночам не сплю — у меня бессонница, брожу по квартире, бужу жену: "Лар, может, ты убрала?" — "Да пошел к черту!" Светает скоро, а я все ишу.

Люблю перестраивать квартиру, перестановки делать, но только в голове: ага, телефон бы сюда повесить, телевизор туда поставить. Такие развлечения... И еще я по-глупому суверен. Придумываю себе: если смогу задержать дыхание до следующей остановки, все будет хорошо. Или, если до того угла повстречаю пятнадцатый человек, все у меня получится. Такой вот мелочный педант...

Ох, наговариваете на себя! Вы человек религиозный?

У меня дед был архиерей, бабушка преподавала в духовной академии французский, английский, немецкий. И какие-то зернышки запали в душу. В церковь меня во-

тем, что рано или поздно должен умереть, меня это не устраивает! Может, поэтому у меня такая обостренная вера в Господа Бога: уж если одиночество, то вместе с ним. Человек начинает верить в Бога не от радости, а от печали. "Неси свой крест и веруй...". А Россия, похоже, для того и создана — самая подходящая страна, чтобы крест нести.

Но род Боярских еще и актерский. Это вам помогло?

— Скорее мешало. Когда я, полагая себя наследником "клана", пришел в Театр имени Комиссаржевской, где работали отец и дядя, и попросил, чтобы меня хотя бы посмотрели, мне было отказано. И ни один театр Петербурга не брал вообще. Полагаю, именно в фамилии и была загвоздка: папенькин сынок, мол, идет по благу. И в Театр имени Ленсовета Владимир взял меня скрепя сердце, просто знал, что у меня есть музыкальное образование, а тогда были очень популярны мюзиклы. В меру сил я пытался соответствовать надеждам, которые театр на меня возложил.

Тем не менее своей актерской судьбой вы, видимо, не очень довольны, раз затеяли сейчас собственный театр?

— Отнюдь. Пятнадцать лет на сцене с Алисой Бруновной Фрейдлих — это что-то да значит. Надо быть благодарным судьбе за такой подарок. Она была камертоном театра, на нее равнялись, у нее учились. И до сих пор, по моему, так. А о моем театре "Бене-

зарабатывать на стороне, а театр — для души. Если она у кого-то еще осталась, конечно. Но загадывать что-либо сейчас трудно: будет у нас еще одна революция или путь, социализм или капитализм, гражданская война или мир — откуда я знаю? Хотя задумываюсь. Придумал, например, в театре рубрику "Интервью длиною в сигарету". Наверняка артисты ко мне будут приходить: глядишь, Коля Караченцов заглянет, Никита Михалков заскочит. А я поставлю в уголке два кресла, столик с кипячительником и самую простую камеру. Поболтаем по-человечески, а когда наберется обширный материал, можно что-то из него и сваять.

А что в кино?

— Отснялся в двух фильмах — "Три мушкетера двадцать лет спустя" и "Тартюф". Потратил время, силы, здоровье, а их так и не видно. Обычная история сейчас.

Вас не гнет, что прививная жизнь так перевернулась?

— А почему вы предполагаете, что она не должна переворачиваться? Она меняется и будет меняться. Кому-то досталась война, кому-то — сталинский режим, нам вот — перестройка. Никуда не денешься, другого-то варианта у человека не будет. Надо воспринимать это нормально, радоваться, что живы-здоровы, не голодные, не раздеты. Стараться смотреть на происходящее чуть-чуть со стороны. Или почитать Омара Хайяма — и все сразу станет на места.

А я на ваших полках вижу тома Пушкина, да и живете вы на Мойке, напротив его последней квартиры. Что это для вас значит?

— Александр Сергеевич мне всегда говорит о том, что нужно думать о смерти. Посмотришь на его дом-музей — и никакого движения в сторону зажиточности уже не возникает. Конечно, я живу в потрясающем месте. Новые районы для меня уже не Петербург, а "хрущевград". А здесь выйдешь, когда туман: желтые фонари горят, никого нет, только одинокий трубочник на Дворцовой площади играет. Все мечтаю его найти, деньги в шляпу кинуть, поблагодарить, да он, как сверчок, от всех прячется.

А у Пушкина я почему-то больше читаю драматические произведения, с лирикой — странные отношения. Вроде бы все знаешь, а возьмешься снова и ахнешь: как же я это стихотворение пропустил? С Пушкиным не бывает так, чтобы раскрыл книжку и прочел от начала до конца, просто вытаскиваешь что-то по настроению. Поэтому до конца его так и не одолел.

Счастье для себя определяете по-пушкински? В смысле "на свете счастья нет, но есть покой и воля"?

— Счастье — это когда избавляешься от несчастья. Ты

Назвал его Витом в честь дона Корлеоне, "крестного отца". Есть машина, но, по мне, чем она хуже, тем лучше, важно только, чтобы ездил. Обычно у меня дворцы машины не закрываются, потому что нечего вытаскивать, — все, что могли, давно вынесли. Во что я одет, мне тоже совершенно безразлично. Вон сколько костюмов: мне их либо дарят, либо заставляют купить, но так почти ни одного и не надел. Разве что жена иногда заставит: "В чем ты ходишь, на кого похож!..."

Гости в вашем доме часты?

— Я всегда радуюсь, когда к нам приходят. Но у меня очень мало друзей, в основном это те, с кем я работал в Театре имени Ленсовета, они и посещают. Вообще мне нравится общаться с людьми, но только не со "своими". Какая-то странная черта характера: больше всего зла и бед приношу родным и близким. А так я разговорчив, и, говорят, со мной интересно — историй много всяких знаю, анекдотов.

Ваш любимый анекдот?

— Он не любимый, а просто наиболее актуальный на сегодняшний день. "Товарищ, проснитесь, вы обоссались!" — "А я не сплю!"

Признайтесь, ваши знаменитые усы вам в работе не мешают?

— Проблем ни разу не было. Я готов их сбрить или, если нужно, отрастить бороду, постричься наголо. Но с того момента, как меня забрала в армию, и до сего дня этого не требовалось. Да и роли, которые я играл, практически не давали возможности сбрить усы. Были случаи, когда мне их отжигали. Когда д'Артаньяна играл, мне их девочка молоденькая все время подкручивала вверх и раз так подвела щипцы, что один ус остался прямо на них. Так и играл с одним своим и одним приклеенным, пока новый не отрос. Кстати, пора бы их и сбрить. Момент подходящий, нигде сейчас особенно не снимаюсь. Хотя посмотрю, какой я есть на самом деле, а то уж и забыл.

Значит, у актера Боярского нет проблем?

— Я слишком самоуверен, мне кажется, я все могу. Поэтому, пока меня жареный петух не клюнул, я спокоен. Но знаю по опыту, что в экстремальной ситуации смогу проявить себя. А сейчас особых проблем нет. Работа есть. Могу отправиться куда угодно и когда угодно: путевку купить или в какой круиз — приглашают часто, только успевай отказываться. Но не хочется уже — как подумаешь: в Америку на какие-то концерты тащить одному. Нет, здесь все гораздо интереснее и ближе...

Беседу вела
Татьяна ИСКАНЦЕВА.
Санкт-Петербург — Москва.
Фото В. СОЗИНОВА
(фотохроника ТАСС)